

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ПОЭМА О ЧЕЛОВЕКЕ

Jorge Amado. Os pastores da noite. São Paulo, Livraria Martins Editora, 1964.

«**С**ейчас я работаю над романом «Пастухи ночи» — о жизни простых людей города Салвадор, в штате Баия. Я хочу показать в этом романе, который посвящен обездоленным и нищим слоям населения, как в самых страшных и драматических обстоятельствах люди могут раскрывать прекрасную свою сущность, свое человеческое величие...» — писал Жоржи Амаду около года назад, отвечая на вопрос «Иностранной литературы» о своих творческих планах.

Эти слова писателя всплывают в памяти, когда читаешь недавно полученный из Бразилии уже изданный там роман.

В нелегкую для бразильского народа годину увидело свет новое произведение Жоржи Амаду. И невольно возникает мысль о том, что книга эта появилась на родине писателя как нельзя более своевременно (хотя на издании, по вполне понятным соображениям, нет полных выходных данных, все же можно заключить, что оно вышло в свет, очевидно, после государственного переворота в Бразилии). «Пастухи ночи» — роман оптимистический, жизнеутверждающий, преисполненный непоколебимой веры в человека. Герои романа находятся в тяжелых условиях, но они не теряют надежд и противостоят ударам судьбы.

Написанный примерно в том же ключе, что и «Габриэла», что и «Старые моряки», уже известные нашему читателю, последний роман Жоржи Амаду вместе с тем отличается от этих произведений. «Пастухи ночи» — новая, несомненно более высокая ступень в творчестве Амаду. Художник как будто пристальнее взгляделся в окружающее и, отобрав для задуманного им полотна свежие кисти, более сочные краски, воссоздает панораму щедрыми, уверенными мазками...

О некоем родстве «Пастухов ночи» со «Старыми моряками» — и прежде всего с «Необычайной кончиной Кинкаса Сгинь Вода» — свидетельствует встреча с нашими знакомыми, верными друзьями Кинкаса. На страницах «Пастухов ночи» мы опять сталкиваемся с Капралом Мартином, все еще занимающимся «только любовью, разговорами с друзьями и игрой», с «неисправимым романтиком» Куриб, с Ветрогоном, по-прежнему промышляющим лягушками и мышами для нужд лаборатории; а в облике негра Массу явно сквозят черты Приливанного Негра — четвертого друга и собу-

тыльника Кинкаса, и даже огонек трубки Рулевого Мануэла — того, что стоял у штурвала баркаса с Кинкасом, — мимолетно сверкнул в «Пастухах ночи». Да, все они — наши старые знакомые, и, однако, только сейчас мы узнаем их ближе, они предстают перед нами во всей широте своих характеров, тогда как в истории с Кинкасом им довелось играть второстепенную роль, сопровождая в последний путь «короля босяков» Баии.

Вводя в новый роман каких-то персонажей из своего другого произведения — это часто случается у Жоржи Амаду, — писатель словно хочет подчеркнуть, что мир, показываемый им, по сути один и тот же, несмотря на все его многообразие и многоликость. Справедливо заметил один бразильский критик: «Миру книг Жоржи Амаду мир богатых чужд: корни творчества писателя — в народе, в жизни труженика, в борьбе простых людей... Именно здесь мастерство Жоржи Амаду проявляется во всей полноте. У мира бедных нет гардин — скрывать тут нечего, да и нечем, но надо уметь понять его, и Жоржи Амаду понимает, чувствует, умеет об этом поведать...»

Баия издавна любя Жоржи Амаду. Не задерживаясь, он ведет читателя мимо аристократических резиденций некоронованных королей какао и табака, мимо фешенебельных отелей, ресторанов и универмагов Верхнего города — этой очень своеобразной, расположенной двумя ярусами над океанской бухтой бывшей бразильской столицы, Салвадора да Баия. Писатель держит путь в Байшу — Нижний город, к старому порту, в трущобах близ которого ютятся бедный люд, выброшенный на мель житейским морем. Он идет к тем, кто находится за бортом буржуазного общества, — к тем, кто, потеряв работу и не рассчитывая ее обрести, вынужден воровать, заниматься проституцией, нищенствовать, бродяжничать... И даже на самом дне жизни он находит человека, в человеке ему удастся разглядеть человеческое.

Весьма трудно пересказать в двух-трех словах сюжет нового, превосходно написанного романа Жоржи Амаду, особенно его первой части: здесь много действующих лиц, каждый персонаж очень индивидуален, сложнейшие и подчас рискованнейшие жизненные тропы одного очень тесно переплетаются с не менее сложными и не менее рискованными путями другого. Да и как передать мягкий, нежный юмор писателя-гуманиста, который так «по-амадовски» ярко живописует приключения и злоключения своих героев, как передать удивительно веселые его краски, всю исключительную тонкость его психологического анализа! Солнечным светом и человеческим теплом проникнуты главы романа. Обладая даром познания человеческих душ, автор рассказывает — и ему веришь — о, казалось бы, необычном для профессионального вора жесте солидарности с обкраденной им девушкой, о, казалось бы, необычной для проститутки чистой, искренней и большой любви ее, о многих других из ряда вон выходящих испытаниях, которым жизнь подвергла этих отщепенцев общества. Автору веришь, что образы своего романа он взял из действительности: при всем богатстве воображения писатель следует правде жизни. Тот, кто читал «Необычайную кончину Кинкаса Сгинь Вода», мог предположить, что все это — плод творческого вымысла автора. Известный бразильский писатель и литературовед Педро Мотта Лима, однако, свидетельствует, что Кинкас — реальный персонаж, в свое время даже был популярен в Баие. Поразительное происшествие с ним, вернее с его прототипом, носившим другое имя, равно как и похождения «капитана дальнего плавания Васко Москозо де Араган», автор почерпнул из баианского бытия. Кстати, еще в авторском введении к роману «Какао», написанному более тридцати лет назад, Амаду предупреждал: «Я попытался с минимумом литературного вымысла и максимумом достоверности рассказать о жизни...» Этому принципа писатель придерживается и поныне.

Из действительности — это бесспорно — автор взял эпизод, положенный в основу второй части романа: о захвате земельных участков отчаявшимися бедняками не раз сообщала бразильская печать. После насыщенной великолепным фольклором баианских негров небольшой интермедии, разде-

АГНЕСКА ЖВАНЕЦ, УЧИТЕЛЬНИЦА

Wilhelm Mach. Agnieszka córka Kolumba. Warszawa, Czytelnik, 1964.

Зовут меня Агнешка Жванец. Кому первому назову свое имя и фамилию на новом месте?

Агнешка Жванец едет работать в дерев-

ляющей или, скорее, цементирующей обе части нового романа, Амаду повествует, как обитатели баианского «дна», с которыми он нас познакомил в начале романа, спланиваются, выступают вместе против устоев буржуазного общества, защищают свои *общие* интересы — интересы обездоленных.

Мягкий юмор и доброжелательная ироничность (автор ни в какой степени не идеализирует своих героев) первой части сменяются острой беспощадной сатирой, убийственным сарказмом, когда Амаду рисует типы разномастных «друзей народа» — политиканов и коммерсантов, полицейских и продажных журналистов, спешащих нагреть руки, нажить и политический, и финансовый капитал за счет бездомных, которые осознали свои права и заявили о своих правах. Бескорыстной дружбе и подлинно человеческим отношениям, существующим среди социальных «низов», Амаду противопоставляет волчьи законы, царящие в «вышем» обществе.

Эпизод в окрестностях Салвадора да Баия перерастает в отражение общебразильской повседневности. Сатира Жоржи Амаду поистине неумолима. Не без умысла автор сводит свое повествование к happy end'у — к столь желанному для буржуа «счастливому концу»: все, на первый взгляд, завершается благополучно... Благополучно? Ведь сделка между «друзьями народа» состоялась за спиной народа, за счет народа! Писатель тут же напоминает, что тело убитого полицейскими вожака бездомных, старого Жезуино, никто и никогда не видел, «и люди толковали, что он попросту скрылся, сменив имя». Люди — негры, мулаты, белые — верят, что он еще вернется, значит борьба не окончена.

Новый роман талантливого бразильского прозаика с большим интересом будет встречен советскими читателями — в ожидании появления его на русском языке автор этих строк сознательно не пересказывает содержание «Пастухов ночи», да и к тому же, повторяю, сделать это вкратце весьма трудно.

Поэмой о человеке можно с полным правом назвать последний роман Жоржи Амаду. Не случайно, обращаясь к своим землякам и посвящая им новое произведение, писатель воспроизводит в одном из эпиграфов к роману слова Горького: «Человек — это звучит гордо».

ЮРИИ ДАШКЕВИЧ

ню Хробрычки. Что-то ее ожидает? Как встретят ее ребятишки? И вот первые впечатления: стоило только назвать деревню, как в переполненном гудящем автобусе наступает тишина, на Агнешку смотрят как на сумасшедшую: Хробрычки — дыра, да там даже автобус не останавливается! А когда она выходит из автобуса, чтобы несколько километров с вещами пешком добираться до деревни, какой-то парнишка

СРЕДИ КНИГ